

САХОНЧИК СТАНИСЛАВ МИТРОФАНОВИЧ

Родился 12 ноября 1949 года в г. Кирове в семье военнослужащих. После окончания средней школы закончил медицинское училище. С 1969 по 1971 гг. служил в Советской Армии. С 1971 по 1977 гг. учился во Владивостокском мединституте, после окончания работал младшим научным сотрудником. Затем поступил судовым врачом на суда обеспечения Тихоокеанского флота. Участвовал в операциях по подъему южнокорейского «Боинга», в разминировании Красного моря, трех боевых службах. С 1986 г. переехал в г. Благовещенск. Работал в ЦГСЭН по Амурской области. С 2007 г. работает в ГАУ «Амургосэкспертиза».

В Амурском казачестве с 1991 г. Член правления Амурского окружного казачьего общества, войсковой старшина. Имеет 4 казачьи награды. Литературной деятельностью занимается с 2003 г., автор нескольких книг, публикаций в СМИ. Член Содружества военных писателей «Покровский и братья» Амурской областной общественной писательской организации. Казачий полковник, член Союза писателей России.

ТАРАКАНЫ УМИРАЮТ МОЛЧА.

В последнее время много пишут о том, что тараканы — чуть ли не древнейшие существа на Земле, которые могут выжить везде и всюду. Не берусь это утверждать либо опровергать, но на пароходах эти твари, особенно в тропиках, чувствуют себя великолепно. И если на ледоколах (в силу холодного климата) они базируются в основном на камбузах, то с приходом в тропики оккупируют весь пароход — до капитанского мостика включительно — и мигрируют по коридорам и каютам стройными рядами и колоннами.

Истребление их — задача практически невыполнимая, особенно при постоянно включённых из-за жары кондиционерах, так как при этом хлорофосом приходится дышать всем. Но острый ум моряков, отточенный в дальних походах, помимо неэстетичного убиения злодеев кожаным тапочком, придумывал и разные хитрые ловушки.

Например, обычная литровая банка с приманкой из сыра и колбасы, намазанная изнутри тонким слоем сливочного масла, работала великолепно и бесшумно: тараканы, залезая внутрь, не могли выбраться обратно, так как лапки скользили по маслу. И когда их в банке накапливалось больше половины, оставалось только изящным жестом вытряхнуть банку в иллюминатор на радость рыбам и чайкам. А уж на камбузе счёт таким банкам шёл на десяток за ночь, и улов был богатым.

Иногда с партией фруктов, полученных в Сингапуре или Коломбо, на пароход попадали здоровенные (со спичечный коробок) и агрессивные мадагаскарские тараканы. Они быстро сокращали популяцию наших меланхолических судовых прусаков, щёлкая их массивными челюстями, как орешки. Но потом сами становились настоящим бедствием — кусались и грызли всё, что попадалось на пути. Тогда, презрев эстетизм, им объявляли общесудовой джихад, и по пароходу повсеместно слышались азартные крики и мокрые шлепки.

Однако и тараканы порой становились развлечением в длительных плаваниях. Как-то раз второму механику Семёнычу пришла в голову оригинальная идея — пометить «своих» тараканов. Отловив с десяток особей, он на их спинки кисточкой нанёс пометки краской. Дурной пример, как известно, заразителен, и вскоре разноцветные тараканы стали мелькать повсюду, ибо каждый штурман и механик считал своим долгом пометить тараканов, живущих в его каюте. Появились даже псевдонаучные теории о путях миграции тараканов в межкаютном пространстве.

Матросы и мотористы, живущие в кубриках, к вопросу идентификации тараканов отнеслись индифферентно, предоставив это начальству. Капитан тоже до поры до времени не обращал внимания на развлечения комсостава, мудро исповедуя принцип: «Чем бы моряк не

тешился, лишь бы баб не просил». Пока не наткнулся в коридоре на четвёртого механика, который вёл за собой здорового, раскрашенного в полосочку мадагаскарского таракана на длинной ниточке, приклеенной к спинке.

— А это мы с Джеком на прогулке, — радостно заявил юный механик, наивно глядя на побагровевшего капитана простодушным полудетским взглядом вчерашнего «ломоносовского»¹ курсанта.

— Я вам, мля, покажу прогулки! — рявкнул кэп и приказал мне незамедлительно провести тотальную дезинсекцию. Залив все каюты и помещения хлорофосом и изрядно надышавшись его парами, я доложил капитану об исполнении. Затем на судне началась большая приборка.

Дохлые и полуживые тараканы выметались кучами. Слава богу, что они кричать не умеют, а то бы разыгрались душещипательные сцены. Эксперимент, затеянный Семёнычем, был закончен — и на нашем судне более не повторялся. Но ещё не раз его отголоски слышались в нашей бригаде. Нет-нет да попадались на кораблях крашеные тараканы — не мы одни до такого додумались.

ЧИФ-ПОЛИГЛОТ.

Танкер вспомогательного флота ТОФ «Илим» подходил к Марселю, где на рейде нас ждал представитель принимающей фирмы «АСМР»². Формальности не заняли много времени, и вот танкер уже пришвартован к заводскому причалу. Сразу же на судне появились главный инженер фирмы и несколько мастеров — уточнить дефектные ведомости и определиться с объёмом работ. Контракт есть контракт: каждый день сверх контракта — минус пять процентов от суммы оплаты. Так что время никто из французов не тянул. Меня сразу поставили вахтенным помощником, и я, нацепив повязку, стал возле трапа.

И тут на палубу вышел наш старпом Иваныч с одним из прибывших мастеров. Иваныч пытался что-то втолковать мастеру арабу, но поскольку познания старпома во французском были «по нулям», а в английском — чуть более, деловой разговор походил на диалог двух глухонемых. В основном — жестами.

Иваныч, старый каботажник, получил визу на заграничное плавание незадолго перед рейсом. Поскольку английский язык в Охотском море был ему без надобности, он благополучно его забыл (практики-то не

¹ Имеется в виду мореходное училище ВМФ в городе Ломоносове.

² АСМР (Ateliers et Chantiers Marseille Provence) — судоремонтный завод в Марселе в 80-х. Сейчас — Ateliers de Reparation Navale.

было), и теперь старпому приходилось туго. Переводчик фирмы и знающие английский язык штурманы были задействованы в переговорах, проходивших в капитанской каюте, я же изучал только немецкий и вряд ли мог Иванычу помочь.

Но старый морячина не растерялся. Поскольку речь шла о том, что на палубе надо срезать, а что оставить, Иваныч, тыча указующим перстом в предмет, говорил либо: «это — йес», либо: «а это — на х...»

Араб, делая пометки мелом на палубе, послушно за ним повторял: «Уи, мсье, это на х...» — и записывал в книжку.

Языковой барьер был блестяще преодолен. А мастер, поясняя на следующий день рабочим, что надо срезать, с неподражаемым марсельским акцентом повторял понравившееся русское выражение.

Надо сказать, что к концу полугодового ремонта взаимопроникновение языковых культур достигло максимума, а словарный запас французских докеров и наших моряков существенно обогатился.

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ПРОЦЕНТОВ.

Я сижу в кают-компании и вяло пишу гуашью на кумаче лозунг: «Выполним план ремонта на 150%!».

Писать и рисовать всякую всячину — это моё старое, ещё с института, хобби, которое постоянно эксплуатируется помполитом Леонтьичем в своих корыстных, далеко идущих политических целях.

Рядом на диване, закинув руки за голову, лениво возлежит Динко — заводской пожарник Дино Козулич (мы его зовём для удобства Козлевичем), мой постоянный оппонент по политическим спорам. Динко — внешне типичный представитель местной «отрицаловки», основное кредо его декларируется им весьма незамысловато: «Найглавнейше в жиче ест пича, фича и новци, а политика — то е курво!», что в вольном переводе с сербохорватского означает, что главнейшее в жизни — это женщины, машины и деньги, а политика — дело весьма нехорошее.

Он носит курчавую бороду и длинные волосы. Динко очень интересуется Россией, неплохо говорит по-русски и активно осваивает нашу ненормативную лексику, коей обильно уснащается разговорная речь моряков танкера во время ремонта.

Надо сказать, что Динко достиг на этом поприще немалых успехов и уже активно вступает в диалоги с нашим боцманом, потрясая своих соплеменников незаурядными познаниями.

Дело в том, что сербохорватская матерщина выглядит на фоне нашей очень бледно и невыразительно и зачастую слабо доходит до объекта воздействия. Динко же, гоня нерадивых сварщиков, роняющих

искры где попало, выражался по-русски хотя и с акцентом, но очень доходчиво и, что для гордых горцев немаловажно, необходимо.

А ещё он страсть как любит задавать всякие каверзные вопросы.

— Доктор, а как можно план выполнить на сто пятьдесят процентов? — невинным голосом, глядя в подволок, интересуется Динко. Опять какую-то пакость готовит Козлевич, не иначе.

— Ну как, как! Поднапрячься, изыскать внутренние резервы! — отвечаю.

— А откуда могут быть резервы? — нездорово оживляется он. — У нас же всё рассчитано. Вот тебе на каюту надо ровно шесть квадратных метров линолеума, это мне Йозо сказал. Как же он тебе план перевыполнит, а? Одну банку клея ему дал мастер утром — как раз на каюту. Так что у тебя сто пятьдесят процентов точно не выйдет, — злорадно сказал Динко.

Всё-таки нудные они люди, эти европейцы! Всё посчитано, дотошно выверено, никаких случайностей быть не должно. Тоскливо, не то что у нас. А самое-то обидное, что он вообще-то прав! Крыть нечем — достал-таки Козлевич! Сейчас я его шугану, экономиста хренова!

— Дино, вучкин курац, на баке пожар! — кричу я, показывая в иллюминатор на палубу. На баковой надстройке точно что-то слегка дымится, и Динко, матерясь по поводу сварщиков, исчезает, громыхая тяжёлыми армейскими ботинками.

Дискуссия отложена до следующей встречи.

Однако следующая встреча состоялась нескоро. На границе с Албанией, у озера Шкодер, была какая-то заварушка, «юги» начали призывать резервистов, отовсюду на сборный пункт деловито, без шума и воплей, потянулись серьёзные люди, одетые в чёрное и зелёное, в походной амуниции, с ранцами и касками (полевая форма у резервистов хранится дома).

Среди них я с удивлением обнаружил и одетого в форму лейтенанта флота Дино Козулича, садившегося на заводской катер, набитый моряками-резервистами и следующий на военно-морскую базу в Тивате, которая находилась на другом берегу залива. Он был без бороды, коротко пострижен, непривычно элегантен и необычно серьёзен. Непростой ты парень, оказывается, пожарник Козлевич! Вот тебе и «пи-ча-фича»!

И всё же, брат Динко, хреново ты нас, русских, знал! План ремонта нами был-таки перевыполнен — аж на сто тридцать процентов. Сэкономлено для родного отечества сто тысяч долларов, изыскана масса внутренних резервов. Что с нас взять, с азиатов? Не были мы тогда обучены европейской экономике.

Кстати, нам от всей этой благодати перепало по почётной грамоте на красочных бланках по тридцать пять копеек и снятие ранее наложенных выговоров, за что мы Родине были безмерно благодарны!

СЁМА-ШТИРЛИЦ.

Семён Семёныч Кривоносов, второй механик, был парнем весёлым и общительным. Хороший специалист, на звук определявший неисправности громадного, величиной с трёхэтажный дом, судового дизеля «Зульцер-Цигельский». Он в машине проводил больше времени, чем в каюте. Специальностью своей очень гордился, не слишком высоко ставя штурманов, считая их просто извозчиками. Над его креслом в машинном отделении висел плакатик с изречением, приписываемым Петру Первому:

«Штурмана народ хамский, до баб и зелья весьма охочий. Слова путного не скажут, однако драку завсегда учинят. Но по знанию зело хитрых навигацких наук до ассамблей допущены быть могут!»

Мотористы его любили и почитали за честь стоять с ним вахты.

Семёныч был очень тепло, почти как родной, принят местной черногорской общественностью, а поскольку в Биеле самой распространённой фамилией была Кривокапич («капа» — голова), то его звали Кривоносичем и считали за дальнего родственника.

Поскольку Черногория была какой-никакой, а всё же за границей, ходить нам по территории завода разрешали только минимум по двое (кабы чего не вышло). Поскольку на судне незанятых людей практически не бывает, Семёныч, прихватив не очень занятого судового доктора (то бишь меня), с утра отправлялся в заводоуправление. Далее общение начиналось с кабинета главного инженера примерно одинаковым диалогом:

— Здраво! Имате проблему?

— Имам! — хором отвечали мы и вкратце излагали суть проблемы.

— Ништа! Данас мале попием — и нема проблема! Шта будемо пити — «лозу», сливовицу, «стомаклию»? Кафу?

Нам больше нравилась крепкая сливовица и, приняв внутрь европейскую (по нашим понятиям — чисто символическую) дозу сего живительного напитка и запив его крепчайшим кофе, мы отправлялись в следующий кабинет, где диалог повторялся. Причём даже тактичный отказ расценивался как нечто неприемлемое и, более того, оскорбительное, а мы, как истинные интернационалисты, не могли, разумеется, обидеть хозяев в их лучших чувствах. В результате на пароход мы с Семёнычем являлись уже слегка «на взводе». Поскольку это регулярно случалось со всеми судовыми командирами, капитан (что вполне разумно) не обращал на такие вещи особого внимания, лишь иногда одёргивая слишком уж увлекавшихся товарищей.

Однажды, блуждая по заводу в поисках куда-то запропастившегося технолога Божо Кривокапича, мы с Семёнычем совершенно случайно забрели в цех, где стояли корабельные

пушки и ракетные установки — на случай войны.

Это не осталось без внимания — к нам зачастил крючконосый Бранко Костинович, заводской начальник режима, «вучкин хорват», как его звали рабочие. Не найдя ничего лучшего для установления контакта с целью последующего разоблачения советских шпионов, Бранко стал регулярно появляться на пароходе с литровой бутылкой «Звечево бренди», что нами было встречено со сдержанным одобрением.

Меня, как существо в военном отношении не опасное, Бранко всерьёз не принимал, а за опрос Семёныча взялся серьёзно.

Безобидные беседы вперемежку с возлияниями и вопросами на чисто военно-морские темы указывали на то, что сверхбдительный Бранко явно заподозрил в Семёныче крупного шпиона. Мы же по очереди старательно пичкали его информацией, почерпнутой из старой подшивки «Зарубежного военного обозрения», из «Справочника по корабельному составу иностранных флотов» и всякой псевдovoенной бредятиной, придуманной на скорую руку. Вроде камчатских атомных лодок, стреляющих ракетами из жерла курильских вулканов.

Весь пароход с интересом следил за этим единоборством, особенно, конечно, наш штатный контрразведчик Женя Максимов, которому мы заплетающимся языком потом докладывали о результатах бесед. Бранко, до краев переполненного информацией и бренди, как правило, сводили с парохода, взявши «под белые крылья», и бережно доставляли на заводской машине домой.

В конце концов, после десяти дней алкогольного марафона, Бранко «сошёл с дистанции» и с обострением язвенной болезни, а также с начальными явлениями «белой горячки» надолго угодил на больничную койку. Нашёл тоже с кем соревноваться! Перепить русского военного моряка, вспоенного казённым «шилом», невозможно даже теоретически. Но бедный хорват Бранко этого не знал.

По прибытии во Владивосток, после того как семейные моряки разошлись по домам, на борту состоялась крепкая пирушка.

Наутро Семёныч, с трудом оторвав лохматую голову от подушки, обнаружил у себя в каюте улыбающегося чекистской «отеческой» улыбкой капитана второго ранга, начальника особого отдела нашей бригады. Тот почти официально поблагодарил его за помощь, оказанную разведке в части прикрытия действующего сотрудника, и положил на столик коробочку с наручными часами «Командирские» с военно-морской символикой.

Обалдевший Семёныч сонно промямлил «С-служу Советскому Союзу!» и... продолжил спать, видимо, приняв всё произошедшее за фантастический сон. Особист, посмеиваясь, вышел из каюты.

Проснувшийся к обеду Семёныч, обнаружив на столе коробочку с часами, на которых не было никакой гравировки, зашёл в каюту к всезнающему начальнику радиостанции за разъяснениями.

Хмурый Володя Анищенко (который дежурил по судну вместо за-

гулявшего третьего штурмана и был эти обстоятельством весьма недоволен) сказал:

— А что ты хочешь, чтоб тебе написали? «Шпиону Кривоногову от КГБ», что ли? На, возьми-ка вот лучше бутылку сухого вина и дуй к доктору, у него тоже такая коробочка есть, на пару и подумайте! Давай вали, Штирлиц ты наш, а то мне к диспетчеру на связь выходить! Это ж надо, до чего флот докатился — за пьянку ещё и награждают!».

Так Семёныч и стал Штирлицем.

ИЗВЕСТНАЯ ЛИЧНОСТЬ ШУРА БАРАНКИН.

Радист Шура Баранкин ещё задолго до пребывания нашего судна на ремонте в Югославии стал в бригаде личностью известной. Главным образом своими приключениями на суше и на море. Причём он заметно выделялся в этом отношении даже среди морской братвы, которая впутываться во всяческие истории и сама куда как горазда.

Внешне Шура представлял из себя невысокого блондина с обманчиво-безмятежным взглядом круглых голубых глаз, носом-картошкой и лихим чубчиком соломенного цвета. Этаким мальчонка Нильс Хольгерсон из известной шведской сказки, только что верхом на гусях не летал. Но некоторые его реальные «полёты» заслуживают отдельных упоминаний.

Однажды Шура, перед выходом в море, был направлен на флотские склады получить запасные радиолампы — и исчез на пару дней. Пароход уже стоял на внешнем рейде, готовый к выходу, когда Шура в состоянии глубочайшего похмелья, в обнимку с вещмешком, полным коробок с радиолампами, вывалился из такси на пирсе вспомогательного флота в бухте Артур.

Вахтенный помощник с рефрижератора «Ульма», оценив ситуацию (а по бригаде уже объявили поиск), с помощью матроса загрузил Шуру на попутный катер-торпедолов — и его, полусонного, доставили на судно, где капитан уже готовился срочно вызывать другого радиста.

Старпом Михалыч, облегчённо вздохнув, поздравил Шуру с открытием сезона выговоров в этом рейсе. Шура, еле ворочая языком, привычно ответил: «Служу Советскому Союзу» — и, приложив ладонь к «пустой» голове, противолодочным зигзагом проследовал в свою каюту.

А танкер «Владимир Колечицкий» направился на операцию по обеспечению подъёма остатков южнокорейского «Боинга», сбитого нашей авиацией над Сахалином.

ЛЮБОВНАЯ КОТЛЕТА ОТ КУЗЬМИНИЧНЫ.

В конце декабря 1983 года танкер, после операции по «Боингу» следуя на ремонт в Югославию, бросил якорь на внешнем рейде вьетнамского порта Дананг. Там и решили встретить Новый год (первый в этом походе).

Закипела работа по подготовке к празднику.

У первого помощника Леонтьича добавилось забот по поиску скрытых запасов спиртного. Зная склонность моряков к приготовлению самопальных спиртных напитков из подручных средств и логично увязав это с пропажей нескольких килограммов сахара из провизионки, Леонтьич, взяв в помощь председателя судового комитета, устроил тотальный шмон по всем пароходным закоулкам и огнетушителям. Пустая затея, как впоследствии выяснилось!

На празднование Нового года на трофейном американском бронекатере прибыли вьетнамские пограничники — в Дананге ещё простреливали в джунглях остатки недобитых южновьетнамских «командос». Вместе с погранцами прибыл и начальник военно-морского района с двумя офицерами

Новый год начался, как и положено, с торжественной застольной речи капитана и салюта сигнальными ракетами. По случаю праздника на столах была выставлено по бутылке казенного сухого вина на четверых — и веселье стартовало.

Народ периодически куда-то загадочно исчезал поодиночке — и появлялся уже повеселевшим. Начальство и вьетнамские офицеры после торжественной части перебрались в каюту капитана — укреплять дружбу между народами. Стало заметно посвободнее.

И тут меня вызвали в трюм — якобы там рулевой матрос Серёга Цема не то ушиб, не то сломал ногу. Естественно, что я, прихватив санитарную сумку и проволочную шину, туда шустро прибежал.

Правда, «травмированного матроса» там не было, а присутствовали (уже навеселе) боцман с донкерманами, пригласившие меня «откушать бражки», заведённой ими после выхода и замаскированной в грудке пустых шлюпочных анкерков (деревянных бочонков), которые везли в Аден. Поскольку почти все они ранее входили в состав «замполитовской» комиссии по поиску заначек спиртного, стало понятно, почему данная операция была обречена на провал изначально.

Хватив пару кружек, я выбрался на верхнюю палубу, где уже вовсю шли танцы. Играл шлягеры судовой ансамбль (инструменты, кстати, были закуплены за счёт сдачи пустых бутылок, добытых со дна бухты Артур, и продажи кораллов с прошлого рейса).

Судовые дамы из числа камбузного персонала были нарасхват, только явно скучала повариха Кузьминична, к которой из-за её габа-

ритов и тяжёлого характера побаивались приближаться. В цветастом платье с глубоким и необъятным вырезом она напоминала осеннюю клумбу.

И тут появился празднично принаряженный Шура — в рубаше с попугаями, расклешённых полосатых брюках и башмаках на платформе. Лицо напоминало цветом пожарный ящик, чубчик стоял дыбом, осоловелые глазки с трудом фокусировали пространство. Узрев одинокую, яркую и габаритную даму, Шура нетвёрдой, но целенаправленной походкой, направился к Кузьминичне с явным намерением пригласить её на танец. Согнувшись в изящном полупоклоне, Шура поскользнулся и с размаху брякнулся у монументальных ног поварихи, машинально обхватив её за мощные бёдра. Та взвизгнула от неожиданности и отпрянула назад.

Проехавшись руками по ногам Кузьминичны, Шура рухнул лицом на палубу и, успев пробормотать заплетающимся голосом признание в любви, отключился...

Под всеобщий хохот тело Шуры было доставлено матросами в каюту радистов и осторожно возложено на койку.

Новогоднее шоу продолжалось ещё пару часов, пока уставший народ не разошёлся по кубрикам и каютам. Начальство отсалютовало окончанию празднества с мостика новой порцией сигнальных ракет и автоматной очередью трассерами в предрассветное небо (это уже были вьетнамцы).

В обед, после традиционного флотского борща, в кают-компанию белым облаком торжественно всплыла Кузьминична в снежно-белой накрахмаленной куртке. В руках у неё был поднос, на котором стояла тарелка с картофельным пюре и здоровенной (в два раза больше стандартной) котлетой в соусе. Всем прочим по меню полагались макароны по-флотски.

Поставив тарелку перед Баранкиным, сидевшим с пылающими ушами и открытым ртом, она елеиным голосом пропела:

— Кушай, Шурик!

После чего с достоинством удалилась.

Народ в кают-компании только переглядывался, молча давась от смеха под суровым взглядом капитана. Старпом Михалыч исподтишка показывал кулак особо эмоциональным.

Ржали только выйдя в коридор. Поразить сердце Кузьминичны доселе не удавалось никому!

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА.

Однажды, зайдя в каюту начальника радиостанции Володи Анищенко, я застал его печатающим на машинке какой-то документ. Если бы не ехидная ухмылка, можно было бы подумать, что он печатает очередной серьёзный приказ по судну.

— Вова, над чем трудишься?

— Да вот, Шура, мля, у меня опять отличился! Депрессия у него, видишь ли, разыгралась, тоска по Отечеству. По этому поводу нахально спёр у меня из каюты, прямо с раковины, флакон «Тройного», ну и выдул его в одну харю. Сейчас в каюте дрыхнет, перегаром, как от бича, шибает, а ему на вахту через четыре часа заступать. Подменять придётся, если в меридиан войти не успеет.

— Докладывать будешь? Всё равно же заметят или учуют.

— Да ну его... У него уже и так три выговора и один «строгач». Скажу, что зуб у Шуры заболел и он одеколоном дупло прополоскал. А ты подтвердишь.

— Ну ладно. Ещё и в журнал приёма больных запишу, на всякий случай. Зуб — дело серьёзное. Приказ-то хоть покажи, почитать...

— На, возьми. Может, и ты что придумаешь.

— Знаешь, Володя я бы кое-что добавил...

Документ, составленный начальником радиостанции совместно с судовым врачом, в подкорректированном варианте гласил:

Приказ по каюте № 7 БМТ «Владимир Колечицкий» (дата, №., Андаманское море)

Для служебного пользования. Из каюты не выносить.

При неплановом обследовании каюты начальника р/ст Анищенко В.Н. была обнаружена пропажа флакона одеколона «Тройной», используемого им в гигиенических целях для протирания лицевой и различных других поверхностей тела.

Проведёнными розыскными действиями было установлено, что данный флакон был похищен путём свободного доступа р/оператором 1 класса Баранкиным А.Г. с целью приведения себя в состояние алкогольного опьянения, якобы в связи с затяжной депрессией, вызванной длительной разлукой с семьёй и Отечеством.

Факта хищения Баранкин А.Г. не отрицает, вещественное доказательство (пустой флакон) изъято и приобщено к делу, состояние опьянения средней тяжести медицинской экспертизой зафиксировано (заключение судового врача прилагается).

За хищение и уничтожение (путём употребления внутрь) личной собственности в особо малом размере, совершенное циничным способом из каюты вышестоящего начальника, на основании Корабельного Устава (КУ-75, п.п....) р/оператор 1 класса Баранкин А.Г. приговаривается к нижеследующему:

1. Аресту при каюте сроком на 8 часов с правом приёма пищи и отправления естественных надобностей в установленных местах.

2. Общественному порицанию силами радиотехнической службы по месту проживания.

3. Компенсации за похищенное имущество в объёме 1 (одного) литра спиртосодержащей жидкости крепостью не менее 40 градусов (по выбору потерпевшего). Компенсацию произвести по заходу в ближайший порт.

4. Ограничению по сходу на берег в портах стран НАТО, во избежание утечки конфиденциальной информации о состоянии радиотехнической службы Вспомогательного флота ВМФ СССР после принятия спиртных напитков.

Изъятые вещественные доказательства по делу уничтожить путём утопления с занесением координат в титульный лист журнала «Коммунист Вооружённых сил», № 4, находящегося в радиорубке.

Учитывая положительные характеристики и будущее деятельное раскаяние Баранкина А.Г., п. 5 данного приказа может быть отменён по ситуации.

Начальник р/станции БМТ «В. Колечицкий» В.Н. Анищенко

Приказ мы приколотили в каюте над койкой похрапывающего Шуры. Копию сохранили.

ШУРА БАРАНКИН В СТРАНЕ МОНТЕНЕГРО.

Наконец, через два месяца после выхода из Владивостока, танкер бросил якорь в Которской бухте Адриатического моря, в порту небольшого черногорского городка Биела. Тогда Черногория (по-западноевропейски Монтенегро) ещё входила в состав Югославии, а в соседнем город Тиват ремонтировались даже наши боевые корабли. В Биеле на заводе «Велько Влахович» на тот момент стояли в ремонте танкер Черноморского пароходства и сейнер из грузинского Поти.

До этого в Биеле ремонтировался танкер нашей бригады «Борис Бутома», и при короткой встрече с ним в Красном море его моряки передали нам кое-какую интересную информацию о неписаных правилах поведения в этом порту.

В частности, о том, что в аптеках буквально за копейки свободно продаётся флаконами чистейший медицинский спирт, а в хозяйственных магазинах — 76-градусный чистый ректификат, которым наивные черногорцы моют стёкла, абсолютно не подозревая о возможности его использования для внутреннего употребления.

Впрочем, качественного спиртного в их магазинах полно, от сто-

граммовых сувенирных шкаликов до двухлитровых бутылок отличного вина. Да плюс каждый уважающий себя черногорец изготавливает домашнюю сливовицу или ракию. Посему и внутреннее употребление спирта им без надобности.

Сами-то они выпивают по-европейски — малыми дозами в течение целого дня, что, в отличие от наших массивованных одноразовых приёмов, позволяет им держаться в тонусе.

В сумме выпивая больше нас, местные, тем не менее, русских лицемерно упрекают в пьянстве. Мол, «русски момци пуно пиют».

Вторая позиция полученных инструкций касалась отношения к местному женскому населению. Лёгкий флирт дозволяется и даже приветствуется, но далее — ни-ни.

Борзые грузины, по своей неистребимой привычке нагло приставать к женщинам, не учли местного менталитета (а там тоже гордые горцы), за что были нещадно биты и сейчас безвылазно сидели на своём сейнере. Скандал консульству кое-как удалось замять.

К русским местные сербы и черногорцы относятся по-братски и всегда стараются помочь при случае. С хорватами и словенцами лучше не контактировать.

И через неделю нам таки «помогли». Часть экипажа попросилась в увольнение: пароход стоял в доке и основной ремонт пока не начинался. Местных денег (динаров) ни у кого не было — получку ещё не выдавали, — и капитан, с лёгким чувством беспокойства, согласился отпустить народ покупаться. На дворе стоял черногорский февраль (+23), что для нас, не избалованных климатом, было «как бы летом», вода чистейшая, с температурой +20. Сошедшие на берег выбрали место за городком у маяка и начали купаться.

Представители встревоженного местного населения, обеспокоившись, как бы русские гости случайно не заболели, прибежали с вином и сливовицей «для сутреву». Добрые и отзывчивые люди!

В результате дружный интернациональный коллектив местного пролетариата и наших морячков, хорошо «согретый», душевно распевая русские и сербские песни, прошёл через городок компактной колонной до заводских ворот, бережно придерживая «уставших».

Капитан метал громы и молнии — но, посоветовавшись с руководством завода, решил спустить дело на тормозах. Тем более что никаких эксцессов с местными не наблюдалось. Наоборот, на заводе у нас появилось много новых закадычных друзей.

За всем этим с завистью наблюдали со своего борта донельзя огорчённые грузины — дальше заводского пирса ходу им не было. Ибо нехрен...

Ремонт шёл своим чередом. Мы все жили на судне, в надоевшем «железе». Те, кто не был задействован в ремонте, несли рутинные стояночные вахты.

Шура Баранкин ходил дежурным по судну, службу нёс вроде исправно, правда, иногда — видимо, приняв втихаря малую дозу, — растягивал гласные при подаче команд и произносил слово «внимание» как «вынимание». Тогда Шуру с вахты «вынимали», и его менял боцман, не очень этим довольный.

После турне замполита по местным аптекам нам перестали отпускать спирт. Пришлось переходить на местное, тем более что в барах и кафе нас принимали радушно и всегда старались угостить. Мы им дарили в ответ эфиопские кораллы, ракушки и всякую другую экзотику вроде деревянных масок из Юго-Восточной Азии.

В увольнение, освоившись, ходили свободно, даже ездили на автобусах в окрестные городки, благо было на что посмотреть. Начинался курортный сезон, всё было заполнено туристами из Европы.

Наши молодые морячки по незнанию заглянули на нудистский пляж на одном из островов и изрядно при этом оконфузились при виде голых женских тел. После длительного воздержания реакция была вполне предсказуемой.

Мелкие недоразумения и проступки были, конечно, неизбежны — люди уже морально устали за полгода. Суша нами всегда рассматривалась как временное место пребывания, которое следовало использовать с максимальной пользой, поскольку после ремонта нас ждал заход в Севастополь, пополнение ремонтной команды до штатной численности и боевая служба в 8-й оперативной эскадре Индийского океана. Ещё минимум на полгода...

И тут сорвался Шура! После вахты он пошёл старшим группы увольняемых матросов в город. Отпустил ребят по магазинам (недавно была получка и в карманах шуршали динары) и ушёл куда-то сам.

К 17 часам моряки исправно прибыли на борт, но Баранкина не было ни через час, ни через два. Происшествие относилось к разряду чрезвычайных!

Пропал радист военного судна, имеющий все виды допусков к секретам, а страна хоть и дружественная, но кишит потенциальными шпионами со всей Европы. Родина в опасности!

А посему под руководством нашего «особиста» Жени Максимова (капитан-лейтенанта контрразведки, замаскированного под четвёртого штурмана) были сформированы три «поисково-ударные» группы из свободных от вахт моряков.

Капитан с замполитом проинструктировали их перед выходом, показав на схеме городка точки поиска — кафе и бары, продуктовые магазины, автобусные остановки и (на всякий случай) придорожные кусты. А вахтенный помощник Андрюша должен был с самой высокой точки парохода в пятнадцатикратный бинокль наблюдать и докладывать.

Где-то примерно через час после выхода групп позвонили с заводской проходной — охрана слезно попросила забрать какого-то русского.

На проходную рысью устремились старпом и особист. Их глазам предстала невероятная «картина маслом».

Завидев осточертевшие лица своих начальников, пьяный «в хлам» Шура, с обезьяньей ловкостью вскарабкался на массивные решетчатые заводские ворота и стал вопить дурным голосом всякие несуразности, вроде «Свободу попугаям!» и «Хочу к маме!» (это ещё самые приличные), собрав у ворот заводскую публику. Чиф с Женей Максимовым пытались, трясая ворота, ухватить Шуру за ноги, но тот влез ещё выше и заорал ещё громче. Наконец, уставши от висения, Шура мешком рухнул в заботливые объятия отцов-командиров.

В это время начали возвращаться злые поисковики, тоже изрядно навеселе, поскольку в каждом «объекте поиска» гостеприимные черногорцы подносили им по стаканчику. Начальство этого старательно не замечало, радуясь, что главный инцидент исчерпан.

Шуру довели «под белые крылья» до трапа, а дальше он, как истинный моряк, шёл сам.

Правда, в спину его подталкивал второй механик Семёныч, «ласково» выражаясь о подлой Шуриной личности и последующих карах. На что Шура, злобно сверкая налитыми кровью глазками, только одышливо бормотал: «Сдохни, сдохни...»

Поскольку происшествие было из ряда вон выходящим, Шура был (по вытрезвлении) крепко «вздрючен» во всех позициях, оставлен на месяц без берега и до конца ремонта только пакостил по мелочам.

По приходе в Севастополь Шуру списали с борта, и более в экипаже «Колечицкого» он не появлялся.

ГОРЧИЧНОЕ ВОЛШЕБСТВО.

Русские люди всегда славились своими нестандартными подходами к решению технических проблем. Со времён легендарного Левши и до нынешних дней не переводятся на Руси мастера-самородки. Немало их и среди моряков.

Таким «Левшой» на нашем пароходе был второй механик Семён Семёнович Кривоносов, попросту Семёныч. Во время ремонта в Югославии Семёныч проявлял чудеса изобретательности, поражая местных остроумными и нестандартными решениями.

Буквально из заводского хлама он собрал небольшую пескоструйку, чем существенно облегчил работу боцманской команды, доселе боровшейся в море со ржавчиной на палубе по старинке — кирочкой да металлической щеткой. Неисправности в главном двигателе Семёныч определял на слух, поэтому югославы часто приглашали его на консультации.

Завод никак не мог сдать заказчику паром «Негош» компании «Викинг Лайн», который занимался перевозками через Ла-Манш. Контракт «горел», заводу грозила крупная неустойка. Что-то не ладилось в турбинах. Но всё держалось в строжайшем секрете от конкурентов... Однако с Семёнычем информацией поделились.

Тот пришёл на «Негош», послушал двигатель, попросил «погонять» его на всех режимах, порылся в чертежах и схемах. Потом попросил удивлённых коллег свозить его в продуктовый магазин. Там он велел купить три больших пакета обычной горчицы.

Ошарашенные заводские начальники, недоумевая, купили требуемое. Семёныч хладнокровно попросил всех удалиться из машинного отделения, куда-то засыпал все три пакета. Затем через полчаса попросил погонять двигатель на всех режимах.

Тот заработал безупречно, сутки отработал на швартовных испытаниях и сутки — на ходовых по Которскому заливу.

Радостное заводское начальство подписало сдаточные документы, заказчик принял судно без замечаний, и «Негош» проследовал к берегам Англии, где ещё полгода отработал на линии без поломок и ушёл на профилактический ремонт в Голландию в плановом порядке.

Директор завода отпросил Семёныча на пару дней в заводской дом отдыха, где он с душой отдохнул. Правда, в нагрузку ему дали замполита Леонтьича (тоже из механиков).

Так что отдых ему был немного подпорчен. Хотя потом оба они потом загадочно молчали и только ухмылялись на расспросы. Как-то, уже в море, Семёныч попытался объяснить мне суть своего «горчичного ремонта», но я так ничего и не уяснил. Медицина всё же более понятная наука.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ЗАПЛЫВ.

Славный город Севастополь радушно принял в свои объятия наш пароход, за полгода ремонта в Югославии истосковавшийся по русской речи и советской действительности. Хорошо было там, на адриатическом берегу и в условиях европейского комфорта. Однако чего-то уже не стало хватать! Ностальгия — вещь сильная, не мы первые и не мы последние жертвы этого сильного чувства...

Поэтому морячки с местного танкера «Фиолент», пришвартовавшегося к нам на внешнем рейде, были приняты как родные, а русские маты приятно ласкали слух. Правда настроение чуть подпортил их третий механик, слезно попросивший не баловать местных девушек и более трёх рублей однократно им в руки не давать. Потому как мы тут пошикуем и уплывём, а местным флотским мачо здесь жить...

Буксиры нас поставили к стенке флотского арсенала, в конце бухты, сзади было только корабельное кладбище и инкерманский судораздел с корабельным кладбищем — места абсолютно неромантические.

Капитан честно сказал, что денег он нам не даст, ибо всё равно продадим по кабакам. Но экскурсии в город официально разрешил — и на том ему спасибо!

Через пару дней должно было самолётом прибыть пополнение из Владивостока, чтобы довести наш сокращённый ремонтный экипаж до штатной численности. А затем нам предстояло идти на боевую службу в Индийский океан.

Разумеется, половина экипажа, кроме стояночной вахты и донкерманов, принимавших воду и топливо, оказалась в городе и зависла по кабакам, разбившись на компании со строгим соблюдением специальности и субординации.

Отсутствие денег компенсировалось бартерными и прочими сделками с аборигенами, ибо заграничных шмоток и сувениров у народа припасено было много, а впереди ожидалась ещё заходы в иностранные порты: пароход был не под военноморским, а под красным флагом СССР — и с судовыми документами Дальневосточного пароходства.

Описание многочисленных подвигов дальневосточных морячков в Севастополе и окрестностях заняло бы немало места, хотя вряд ли резко отличалось бы от подвигов в портах прочих водоплавающих.

Однако никто в милицию не попал (хотя предпосылки к тому имелись), загранпаспортов не терял и в конфликты с местными не вступал. Горожане приняли нас вполне радушно — всё же дальневосточники были для них некой экзотикой и выделялись менталитетом (широтой души и элементами пофигизма). Загулявших морячков старались приютить из чувства солидарности коллеги с местных пароходов. Так что к подъёму флага успевали все.

Кое-кто, впрочем, добирался и самостоятельно, — как указано в уставе, «с использованием подручных средств».

Четвёртый помощник Андрей, парень бойкий, пользовался немалым успехом у местных дам. В тот вечер в ресторане «Севастополь», когда он предложил обрадованной официантке расплатиться за ужин модными кроссовками и кое-какими заграничными шмотками, к нему подрулил некий невзрачный товарищ и, помахивая красной корочкой ОБХСС, предложил «пройтись». У входа, мол, уже ждёт комфортабельный автотранспорт с цветомузыкой.

Невзрачного товарища тут же взяли в «коробочку» подвыпившие местные рыбаки, гулявшие за наш счёт, а Андрея девчата-официантки быстренько протащили по ресторанным шхерам на тихую улочку, расцеловав на прощание и вручив бутылку водки в качестве компенсации. Романтическое свидание из-за происшествия тоже сорвалось, и огорчённому Андрею пришлось возвращаться на судно...

На последние рубли частник подбросил его к месту стоянки судна, но только к другой, противоположной стороне бухты: пассажир, находясь в изрядном подпитии, выдал водиле неправильные координаты. Озадаченный Андрей, однако, чувство долга не потерял, духом не упал и решил прорваться на пароход в любом случае.

Родной танкер празднично сиял стояночными огнями и иллюминаторами во мраке августовской ночи совсем рядом — метрах в трёхстах. А что такое пара кабельтовых для настоящего моряка? Сущая ерунда! Даже при отсутствии подходящих мореходных плавсредств.

Первым делом Андрей достал подаренную девчатами бутылку и, отхлебнув добрый глоток «из горла», поставил её на песок. Сняв шикарные югославские башмаки, кожаную куртку с паспортом моряка во внутреннем кармане и рубаху, сложил всё это в кожаную спортивную сумку, закрыл на молнию все кармашки, придав тем самым сумке некоторый запас плавучести, и решительно зашёл в воду.

Из соседних кустов послышался пьяный совет:

— Мужик, не торопись топиться! Жизнь, мля, прекрасна и удивительна, пока есть что выпить! Давай, братуха, подгребай к нам!

Андрей, и так залитый спиртным до гайморовых пазух, только махнул рукой и поплыл в сторону судна, учитывая течение. Сумка пока держала, однако прошедший рядом катерок развёл волну, захлестнувшую сумку и заставившую пловца поволноваться. Катерок Андрей пропустил с правого борта, согласно МППСС¹.

Сумка заметно потяжелела, и пришлось напрягаться, чтобы голова не опустилась в воду, да и ноги, облепленные мокрыми джинсами, уже начали уставать. Течение относило Андрея к корме. До парохода оставалось метров пятьдесят, когда сумка окончательно намокла и стала тянуть ко дну. Андрей, моментально протрезвев, собрал последние силы и замолотил ногами.

Рывок удался — он успел зацепиться за кранец, вываленный в воду у кормы. Там, на метр выше, уютно светились иллюминаторы кают боцмана и донкерманов.

Немного передохнув, Андрей пришёл в себя и понял, что спасён. Вспомнил о «штурманских понтах», коими славится ломоносовская «бурса», и рявкнул:

— Боцман, вывалить трап по левому борту!

Из-за кормовых лееров выглянула голова боцмана, в иллюминатор высунулся удивлённый старший донкерман Нагорный.

Мужики, привыкшие ко всяким неожиданностям, быстро бросили конец и молча втащили мокрого и замёрзшего Андрея на борт, быстро раздели, растёрли мочалкой, повесили вещи в машину сушиться. Ан-

¹ МППСС — международные правила предотвращения столкновения судов.

дрей, поняв, что он дома, принял поднесённые ему полстакана докторского «шила» и сразу отключился.

На рассвете он, проснувшись, обнаружил, что напротив его шконки сидят оба донкермана и пристально, молча, с сожалением и неммым укором на него смотрят.

Потом старший донкерман Нагорный сказал:

— Андрюха, я двадцать лет на флоте, но таких придурков, как ты, вижу впервые!

Подошедший боцман вручил Андрею его просохшие вещи.

— Андрей, ну ты точно придурок! Мог бы утонуть не за хрен собачий! Ладно, одевайся и вали в свою каюту, пока никто тебя не видел!

Больше дебатов на эту тему не было, все свидетели вроде бы молчали.

Но и сейчас по Севастополю ходит среди моряков вспомогательного флота байка про этот заплыв. Как правило, подобные байки обрастают всякими домыслами и невероятными подробностями в зависимости от фантазии рассказчиков. Дескать, плыл он на досках от забора, пел «Варяга», тащил сумку водки и материл всех окружающих, издавая всякие непотребные восклицания.

Общему сему знаменателю и сей подвиг подлежит! А правду знали только четверо — и сейчас она перед вами...

Стоит упомянуть, что в Интернете встретила история про некоего старлея с крейсера «Кутузов», совершившего подобный заплыв. Он при этом утопил всю форму и, оставшись в фуражке и табельных трусах, сумел-таки незаметно пробраться мимо вахты в свою каюту. Вахтенный офицер потом долго пытался определить куда ведут мокрые следы.

АКУЛЬИ УЖАСТИКИ.

Как известно, в любой работе полагаются по КЗОТу и выходные дни. Вспомогательный флот ВМФ тоже не являлся в этом случае исключением.

Но перед начальством на берегу всегда стояла проблема — как сократить количество отгулов, положенных морякам за проведённые в море выходные дни. Ибо пребывание на боевых службах в Индийском океане, бывало, затягивалось на год с лишним, и если действовать по закону, то на судах обеспечения ТОФ половина экипажей гуляла бы минимум полгода, а полупустые пароходы стояли бы у пирсов Владивостока.

Поэтому умные головы из Главного штаба ВМФ придумали интересную новацию — проведение выходных дней в море, непосредствен-

но на судах. Наверняка кто-нибудь из штабных чинов «Арбатского военного округа» получил за это внеочередную звёздочку на погоны, но на флотах этому, мягко говоря, не обрадовались. Чтоб им, крысам сухопутным, свои отпуска в кабинетах проводить!..

В 8-й оперативной эскадре (зона ответственности — Индийский океан и Красное море) это выглядело так. Судно обеспечения, «нагулявшее» наибольшее количество выходных, на недельку направлялось на архипелаг Дахлак или на остров Сокотра, где становилось на якорь на внешнем рейде.

По судну объявлялся выходной день (или несколько), народ нёс стояночную вахту, а остальные погружались в крепкий сон в собственных койках, отвлекаясь лишь на приём пищи и рыбалку.

Этакая бесконечная сонная одурь, когда теряется чувство времени, а морально больше устаёшь, чем отдыхаешь...

Любители порыбачить кайфовали — возле фановой трубы и слива камбуза постоянно толкались разнообразные рыбы, включая хищных барракуд и тунцов. Причём более крупные рыбы поедали более мелких, и всеобщее пиршество шло круглосуточно.

Изредка на этот праздник жизни заплывала парочка акул, внося некое разнообразие — поедая всех подряд. Для развлечения моряки иногда ловили и акул. Но это уж так, на любителя...

У борта, несмотря на чистейшую воду, купаться было опасно, поэтому два раза в день спускали на воду рабочий катер, на котором по очереди доставляли экипаж на ближайшие необитаемые островки, где на отмелях произрастали кораллы и водились ракушки и лангусты — сырьё для нехитрых морских сувениров, украшающих каюты.

Вот и в этот раз от борта танкера «Владимир Колечицкий» отвалил рабочий катер с десятком моряков. У многих были маски, трубки и ласты. На руле стоял второй помощник Слава Чуприн с трубкой в зубах, невозмутимый, как всегда. Катер, попыхивая дымком выхлопа, неторопливо шёл к одному из песчаных островков, где и предполагалось отдохнуть.

Надо сказать, что отдых на голом песке (ни единой травинки) при температуре плюс 45 — понятие весьма относительное, чреватое солнечным ударом, поэтому предполагалось провести время, в основном, в воде (там температура была плюс 35 — всё же как-то прохладнее). Потом приходилось на пароходе долго отлеживаться под кондиционером, потому что прибывали на борт в состоянии «вареной макаронины», с трудом добираясь до коек.

Нос катера, мягко прошелестев, уткнулся в отмель, метрах в пяти от берега. Дальше — вброд, оставив на катере моториста с рацией и санитарной сумкой.

Пляж островка огласился радостными воплями, хохотом, слышались удары в мяч, большая часть народа полезла в воду — замель-

кали ласты. Дальше всех заплыл молодой четвёртый штурман Андрей, парень азартный.

Вся эта идиллия длилась не больше часа. Моторист с катера заметил несколько акульих плавников, направлявшихся к острову. Сразу закричал, предупредил...

Народ начал выскакивать из воды, теряя ракушки и кораллы: все слишком хорошо знали, что такое акульи зубы! И только Андрей увлечённо нырял и нырял, не слыша криков и не замечая плавников, угрожающе приближавшихся к нему.

Народ на берегу аж взревел хором:

— Андрюха! Акулы! — Ну и матами, соответственно (для лучшего восприятия).

Андрей, наконец, услышал крики, оглянулся и, увидев приближающиеся плавники, со скоростью торпедного катера рванул к берегу, выскочил на отмель и в туче брызг влетел на песок. Промчавшись метров пятьдесят по песку, как-то странно задирая ноги, он сел на кучу песка, ошалело закрутил головой — и истерически захохотал...

Оказалось, что он бежал стометровку, не снимая ласт!!!

Моряки тоже с облегчением засмеялись — на этот раз обошлось! Но тут уж всем стало не до отдыха, хотя акул и отогнали, запустив в их сторону пару сигнальных ракет.

Загрузив в катер добычу, вернулись на танкер, оживлённо обсуждая случившееся. Дальше радисты разнесли весточку по эскадре, и Андрей проснулся знаменитым, превратившись из обычного четвёртого помощника в чемпиона 8-й оперативной эскадры по бегу в ластах на стометровку. Такое практиковалось — наряду с бегом в мешках.

По степени известности он тогда сравнился со штурманом с БДК «Вилков», которому лангуст прищемил клешнями мужское достоинство на острове Сокотра.

Хотя, положа руку на сердце, на месте Андрея так поступил бы каждый в ситуации, когда за спиной маячат приближающийся акулий плавник и перспектива (в лучшем случае) лишиться какой-либо из конечностей.

Правда, вскоре у Андрея появился шанс отыгаться — на следующий день старшим на катере по графику был он. По карте заранее определился с местом высадки — это была коралловая отмель с несколькими мелкими песчаными островками. Разумеется, никакой растительности там не наблюдалось и укрыться в тенёчке никоим образом не получилось бы.

Но догадливые морячки из боцманской команды захватили с собой несколько больших кусков брезента и алюминиевые трубки, чтобы сделать хотя бы навесы от палящего солнца.

Температура, как обычно, была по-утреннему бодрящей — плюс 46. Народ с радостными воплями разбежался по островкам и шустро

начал нырять за кораллами и ракушками. Андрей с мотористом остались на катере, ведя наблюдение во все стороны — акулы могли появиться неожиданно.

Акулы архипелага Дахлак во времена итальянской оккупации (да и после неё) лакомились умершими заключёнными местной каторжной тюрьмы, так что к «человечинке» были приучены генетически.

Наши офицеры с базы, собираясь на рыбалку, всегда брали с собой оборонительные гранаты и пару пистолетов или автомат с несколькими магазинами. Обычная офицерская рыбалка начиналась с профилактического гранатометания, а затем следовал сбор оглушённой морской живности.

Но морякам «Колечицкого» стрелковое оружие по штату не было положено, хотя несколько самодельных острог в катере лежали, и, в крайнем случае, сигнальные ракеты тоже могли бы пригодиться.

Жара на катере была невыносимая, борта раскалились, и даже в забортной воде невозможно было охладиться. Это был просто тёплый рассол...

Не спасали и соломенные вьетнамские шляпы, припасённые ещё с Камрани.

Андрей, помня, как экипаж реагировал не его бег в ластах, решился на коварную месть. Достав мегафон, нажал тангенту, и над морем разнёсся зычный, с нотками искренней тревоги, голос:

— Братва, акулы! Всем на борт!

Народ среагировал адекватно — все дружно, с матами, повыскакивали на островки, теряя на ходу ласты, тапки и прочее барахлишко. Тем более что поблизости действительно маячили какие-то плавники. В панике никто не вспомнил, что акулы на мелководье не заплывают. Всё столпились на четырёх островках и бежать по воде на катер абсолютно не желали.

Андрея несколько подвела собственная хитрость: пришлось ему подходить на катере, царапая днищем о кораллы, к каждому островку и снимать моряков вместе с их добычей — кораллами и ракушками.

На обратном пути Андрей стоял за штурвалом, и на его загорелом лице играла довольная ехидная улыбочка. Месть всё-таки удалась! И, главное, никто его не заподозрил в злом умысле. Все в катере дружно ржали, вспоминая как они, в туче брызг скакали по мелководью. Что называется, хватили адреналинчика...

Андрей пришвартовал катер к борту танкера, дождался, когда люди сойдут, доложил старпому о прибытии. Боцманская команда подняла катер на борт.

По трансляции объявили об окончании выходных. После обеда снялись с якоря и пошли в Аден.

Служба продолжалась.

ДВЕ ПРОГУЛКИ ПО ЛУЯМ.

Справка: Город Порт-Луи, столица Республики Маврикий, расположен на острове Маврикий. Это бывшая колония Франции. Побывать в «Луях» (жаргонное название среди моряков и рыбаков) было среди дальневосточников в советские времена весьма престижно.

Заканчивался срок боевой службы танкера «Владимир Колечицкий» в составе 8-й оперативной эскадры.

Было проведено несметное число заправок боевых кораблей во время международной операции по разминированию Красного моря, обеспечен горючим «воздушный мост» военно-транспортной авиации стран Варшавского договора, возившей продовольствие в голодающую Эфиопию.

На смену «Колечицкому» уже направлялся из Владивостока его систершип «Борис Бутома» и два рефрижератора.

Поэтому командование 8-й оперативной эскадры решило «побаловать» нас заходом в экзотический Порт-Луи, вознамерившись заодно выполнить два специфических поручения, о коих будет изложено после.

Не будем утомлять читателя описанием сего достопримечательного места, ибо стоит только «погуглить», как на вас обрушатся гигабайты подробнейшей информации и красочных фото и видео.

Итак, якорь «Колечицкого» с плеском вошёл в воду гавани Порт-Луи, на борт прибыли портовые власти и шипчандлер, начались обычные официальные процедуры оформления захода. Экипажу выдали местные деньги, определили порядок схода и состав групп.

Четвёртый помощник Андрей был определён старшим группы, состоящей из поварих, дневальной и старичка-завпрода. Группа считалась проблемной из-за сварливого характера тёток, имевших обыкновение яростно торговаться с хозяевами лавок, доводя до истерики даже бывалых и наглых арабов.

А это обстоятельство абсолютно не соответствовало ментальности ни штурманов, ни механиков. Поэтому судовых командиров ставили в эту группу старшими либо по очереди, либо «по залёту». Для Андрея заслуженно был выбран последний вариант.

Благополучно десантировавшись с рабочего катера на набережную, группа, освоившись с ситуацией, перестроилась в рыцарский «тевтонский клин» (в просторечии именуемый «свиньёй»), в голове которого стала широченная и грудастая повариха Кузьминична, а замыкал строй 65-килограммовый субтильный «старшой» Андрей.

Приняв наступательную конфигурацию, боевое подразделение ВМФ СССР, рассекая толпу празднующихся аборигенов, направи-

лось по ближайшим лавкам. Магазины с их фиксированными ценами традиционно игнорировались: чай, не баре какие-нибудь...

Лавки же подверглись всеобъемлющему и вдумчивому обследованию в части качества продукции и вариантов ценовой политики. Тем более что продавались там сингапурские и тайваньские контрафакты с липовыми мировыми брендами. И джинсы любых фирм шились на соседних улицах, благо штатная фурнитура с лейблами продавалась тут же.

Андрей, наконец, приобрёл себе давно желанные белые джинсы и пару футболок с надписью «No problem» на груди.

Действительно, какие проблемы могут быть у моряка — парнишки чуть за двадцать!

Сумки у тёток потихоньку раздувались от разнообразных шмоток, но кульминация была ещё впереди — лавка дамского белья и аксессуаров.

Андрей, уже измотанный «прогулкой», потихоньку матерясь сквозь зубы, стоял у входа в лавку и невольно слушал, как прицениваются и примеряются к изящному французскому белью дородные пароходные дамы. Особенно умиляли попытки приспособить невесомые кружевные трусики на мощную филейную часть Кузьминичны. Бывалые тётки-морячки были и здесь в своей тарелке. Слышалось только: «Нам это не надо...

Дай подешевле!» — и прочие аргументы, на которые хозяин лавки, креол, отвечал сначала вежливо, а затем всё больше раздражаясь...

Наконец доведённый до отчаяния хозяин сунул руку под прилавок и, достав оттуда внушительных размеров искусственный фаллос с причиндалами, сказал по-русски с чудовищным акцентом:

— Вот эта вам и нада! Я знай!

Тётки остолбенели, затем разом завизжали: «Провокация!»

— и кинулись на выход. Сзади едва поспевал Андрей, задыхаясь и корчась от смеха...

На том и кончилось знакомство группы с достопримечательностями Порт-Луи.

Андрей по возвращении на судно не доложил о случившемся замполиту, посчитав это незначительной мелочью. Однако дело обернулось иначе.

После ужина Андрея по трансляции пригласили в каюту капитана. Там уже сидели капитан, замполит Леонтьич, особист Женя Максимов и председатель судкома донкерман Нагорный. Лица у всех были протокольно-мрачные, не предвещавшие ничего хорошего.

— Почему вы не доложили о провокации против советских моряков, имевшей место в торговой точке? — грозно сдвинув мохнатые брови, спросил особист Женя, числящийся для конспирации по штату пожарным помощником. Видимо, Кузьминична, как истинная патриотка, стуканула-таки по команде.

Андрей, ничтоже сумняшеся, начал последовательно излагать ход дела, добавляя комментарии и красочные подробности. Когда он дошёл до кульминации, побагровевший капитан, с трудом сдерживаясь, только и смог сказать:

— Идите, вы свободны! И, кстати, раз уж у вас «Ноу проблем!», посидите пару дней без берега. Старпом вам проблемы найдёт.

Андрей только успел закрыть за собой дверь, как капитанская каюта взорвалась хохотом, и из неё выскочил Нагорный, утирая слёзы от смеха.

— Ну, Андрюха, удружил! Там всё начальство небоеспособно, по палубе катается... Ну, Кузьминична, молодец, такую провокацию раскрыла!

И, продолжая смеяться, лихо съехал по поручням к боцманской каюте. Вскоре ржание раздалось и на нижних палубах...

Вторая группа во главе с судовым доктором, в отличие от предыдущей состоявшая из молодых матросов и мотористов, отдавала предпочтение местным достопримечательностям. На их счастье, попался русскоговорящий абориген, учитель, выпускник небезызвестного московского Университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы. И всё прошло бы совсем гладко, но доктор вспомнил, что ему надо купить красок, кистей и фломастеров для судовой стенгазеты.

Оставив моряков с учителем на улице, он зашёл в книжный магазинчик. Пока он выбирал покупки, в ушах всё время слышалась русская пьяная речь. Невозмутимый хозяин, интеллигентного вида метис в золочёных очках, абсолютно не смахивал на источник столь специфических выражений.

«Не иначе глюки пошли. Пора завязывать с морями», — подумал доктор.

Попросился у хозяина в туалет. Тот открыл дверь в подсобку — и там обнаружился источник специфических звуков языка родных осин. За столиком сидели человек пять подвыпивших русских мужиков, — как оказалось, рыбаков из Калининграда. Они вели здесь промысел, сдавая рыбу местным властям. А нынче отмечали день рождения трал-мастера Петрухи. Тут, в подсобке, работал кондиционер и стояла тишина: то, что нужно невзыскательным русским — слегка посидеть в тесном кругу без лишних глаз. Хозяин получал плату свежими тунцами и был этому рад чрезвычайно.

Доктор, махом приняв полстакана рома (исключительно из чувства солидарности с рыбацким флотом и Петрухой), быстро попрощался и вышел. Матросы на улице, изрядно утомлённые лекцией русскоговорящего аборигена, уже украдкой позёвывали. В общем, пора было сворачиваться. Горячо поблагодарили учителя, обогатившего их познаниями об истории острова.

Немного пробежавшись по сувенирным лавкам, группа пошла в

порт, хватив по паре баночек энергетика. Местный ром в сочетании с энергетиками оказал-таки своё действие на доктора: у него появились лёгкие симптомы опьянения, отмеченные замполитом по прибытии на борт.

Опрос моряков по этому поводу никакой информации не принёс, поскольку в книжных магазинах спиртное не водится по определению. Сам подозреваемый отрицал факт употребления спиртного, и всё было списано на слабый тепловой удар по лысеющей докторской голове и употреблённый энергетик.

Однако тёмной тропической ночью некие злоумышленники из аборигенов, подплыв на лодке к иллюминаторам кормовых кубриков, сделали морякам сказочное предложение: за две пустые стеклянные бутылки давалась полная бутылка местного рома. Моментально был проведён тотальный шмон по судовым шхерам, стеклотара была изъята, учтена — и бартер состоялся. к обоюдному удовлетворению сторон.

Оказалось, что на прекрасном острове Маврикий нет стеклянных фабрик, бутылки не производятся (только завозятся) и являются... страшным дефицитом. Такие вот чудеса — когда тара дороже содержимого! На следующий день экипаж организованно свозили в ботанический сад, где все полюбовались на громадную бронзовую голову Владимира Ильича — подарок от СССР и единственный памятник вождю в Южном полушарии — и до одури нанюхались запаха тропических орхидей. Правда, после рома все эти красоты воспринимались довольно тяжело.

ДАЁШЬ ДИЕГО-ГАРСИЯ!

За кормой в синей дымке исчезали очертания гор острова Маврикий и славного города Порт-Луи. Было грустно: вряд ли прихотливая судьба забросит сюда ещё раз.

Курс танкера лежал к не менее экзотическим местам — Сейшельским островам, имевшим славу столицы отдыха сливок мировой буржуазии и самых крутых империалистов.

Что там делать нашему танкеру — было неясно. Разумеется, капитан и «лица, приближённые к императору» знали цель нашего прибытия туда, но экипаж не имел ни малейшего понятия. Да, собственно, к концу боевой службы всё уже было «по фигу». Главное — идём домой!

Тем более что новости из внешнего мира проникали на судно только в виде листка газеты «Рыбак Юга», получаемой нами по фототелеграфу и состоящей из кратких сообщений из Москвы и информации по рыбацким судам: кто, чего и сколько добыл. В Южном полушарии другого источника новостей для нас просто не существовало. Кроме

шифровок с эскадры, конечно.

Переход не занял много времени, и вот мы уже бросили якорь на внешнем рейде порта Виктория — столицы Сейшел.

Как обычно, на лоцманском катере прибыли портовые власти, бегло проверили судовые документы и, получив парочку экзотических сувениров, быстренько отвалили.

Примерно через полчаса от одного из ближайших островов архипелага к нам направился серый военный корабль.

Это был патрульный катер ВМС Сейшел советской постройки проекта 1400 МЭ, вооружённый спаренными крупнокалиберными пулемётами в башнях. Такие мы уже встречали в Йемене, они поставлялись из СССР на экспорт в дружественные тогда страны.

Катер пристал к борту, с него сошли по трапу несколько человек в штатском и сейшельский офицер.

Сейшельская республика (в силу своего географического положения) дружила со многими странами и принимала многочисленных туристов. Над островом кружили парапланы, яркими бабочками пестрели паруса яхт, отели и пляжи были всегда заполнены.

Но и желающих организовать государственные перевороты в этом райском уголке хватало, и советский флот не раз выручал законную власть.

Поэтому тут у нас была якорная стоянка со стационарными бочками, и даже шёл разговор о создании небольшой базы.

Янки тоже не дремали — на одном из островов (Маэ) была их база с РЛС слежения, фиксировавшая передвижение судов и контролировавшая воздушное пространство.

Простояв у борта несколько часов, ближе к вечеру катер ушёл. Люди в штатском тоже покинули борт. Совещание в капитанской каюте шло долго, о результатах его экипажу, разумеется, не докладывали.

На утреннем совещании командного состава нам кратко довели до сведения, что ближайший пункт назначения — порт Коломбо, но по дороге надо пройти мимо архипелага Чагос и острова Диего-Гарсия.

Все молча переглянулись: на этом коралловом атолле размещалась крупнейшая американская военно-морская и военно-воздушная база в зоне Индийского океана.

В моей каюте, весьма кстати, лежал номер журнала «Зарубежное военное обозрение», позаимствованный у коллег на «Даурии» — штабном корабле 8-й оперативной эскадры.

Коллеги, как истинные военные доктора, подобной ерундой не заморачивались, справедливо считая, что для этого существуют разведчики. Поэтому журнал служил им подставкой под кофейник в каюте и был мною изъят без нанесения ущерба казенному имуществу.

В журнале вместе с описанием был приведён примерный план базы с расположением радаров, взлётных полос аэродромов, казарм и шта-

бов. В акватории базы стояли в роли складов специальные суда — ролкеры — с законсервированной боевой техникой из расчёта на дивизию по штатам военного времени. В случае объявления угрожающего положения личный состав этих судов с оружием, на военно-транспортных самолётах, прибывал на базу из США и размещался на судах. Суда давали ход и, в сопровождении боевых кораблей, двигались в указанный район, попутно проводя расконсервацию боевой техники.

В результате в порт назначения прибывала уже полнокровная и боеготовая дивизия «Джи-ай». Задумано было неплохо.

Судя по всему, нам надлежало в качестве приманки проскочить по водной границе базы, вызвав на себя реакцию сил охранения, облучение дежурных радиолокаторов и негодующие вопли янки на всех частотах. Возможно, и реакцию дипломатов.

Конечно, Третью мировую из-за этого никто затевать не будет, топить мирный гражданский танкер, да еще и под красным флагом — тоже. Но зато уж нервишки друг другу потрепем от души...

Надо полагать, что под шумок где-то здесь должны были действовать наши корабли радиоэлектронной разведки, для них узнать рабочие частоты американских РЛС — дело весьма заманчивое.

Капитан поставил нам интересную задачу: все свободные от вахт должны выйти на верхнюю палубу с фотоаппаратами, блокнотами и тетрадками. По ходу дела зарисовывать пейзаж и фотографировать остров.

Конечно, практическая ценность таких разведданных в эпоху спутников приближалась к нулю. Но тут, разумеется, был важен сам факт демонстративного прохода.

На вполне резонный вопрос самого молодого штурмана Андрея: «А на кой?» — замполит туманно намекнул, что где-то поблизости янки повели себя не по-джентльменски, и надо, дескать, выразить им своё недовольство.

А за политически неграмотный вопрос Андрею выдали самый большой дальномер (ТЗК) и выставили его на левое крыло мостика брать пеленги на все выдающиеся точки с записью в журнал.

Поскольку слегка напакостить американским коллегам считалось на советском флоте делом отнюдь не предосудительным — а мы всегда с удовольствием собирали на шлюпках авиационные радиогидроакустические буи (РГБ), сбрасываемые с американских и австралийских самолетов, — предстоящая операция несколько взбодрила экипаж.

Уже на подходе к базе нас встретил американский самолёт противолодочной обороны Р-3С «Орион» и набросал вокруг нас буи РГБ, с целью выяснения: а не крадётся ли под нами подводная лодка.

Гордо проигнорировав буи, «Колечицкий» неспешным 15-узловым ходом пошёл вдоль границ акватории базы.

В мощные 15-кратные бинокли были хорошо видны стоящие

на якорях суда с зачехлённой техникой на палубах, громадные военно-транспортные самолеты С-141 и С-5 «Гэлакси», обтекатели антенн РЛС и антенные поля радиостанций. Хорошо была видна и суета, поднявшаяся на базе: носились грузовики и джипы, набитые людьми, от пирса отскочил патрульный катер и, раздувая форштевнем пенные «усы», пошёл в нашу сторону, угрожающе расчехлив носовое орудие.

Народ на верхней палубе шумно веселился, демонстративно щёлкая фотоаппаратами и делая вид, что рисует в блокнотах.

Янки отреагировали бурно — над нами появился и стал низко (на уровне мостика) облётывать судно громадный четырёхмоторный «Орион», с которого через мегафон прорывались какие-то нехорошие слова на русском, заглушаемые ревом моторов. Под крыльями «Ориона» висели противокорабельные ракеты «Гарпун» — признаться, весьма убедительного вида.

Народ с палубы на демонстрируемые ракеты отвечал неприличными жестами. Надо сказать, что во время боевых служб иностранные самолёты нас пугали охотно и многократно, так что это стало делом привычным.

Остров Диего-Гарсия, в принципе, был невелик, и мы быстро вышли из зоны охранения базы, — правда, «Орион» ещё долго описывал окружности над нами, высыпав вокруг дюжину буёв.

Но мы не стали их вылавливать — зачем зря портить людям гидроакустическую картину? Да и впереди, на пути домой, нас ждал чудесный город Коломбо!

Вся операция у острова заняла не более получаса, но зато какой был эффект! Особенно когда боцманская команда начала скандировать «Даешь Диего-Гарсия!», перекрывая рев моторов «Ориона».

Общее настроение у народа на вечерних посиделках на юте было как после удачного группового налёта на чужой сад, когда разозлённому хозяину с хвостотиной не удалось никого догнать, а краденые яблоки оказались вкуснейшими.

В официальных документах и докладе на эскадру, разумеется, всё было отражено по-другому. Кто-то, наверное, и медали получил...

Ещё с неделю мы (и не только мы) переменными курсами крутились возле архипелага Чагос.

Уже потом, на главной базе, мы узнали, что на Диего-Гарсия тогда ожидали прибытие двух авианосных групп США, однако те проследовали мимо острова, в район Персидского залива!

ВОНЮЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ.

Благополучно проскочив архипелаг Чагос, танкер «Колечицкий» держал курс на Коломбо. По плану захода нам предстояло загрузить рефрижераторные трюмы и морозильные камеры свежими овощами и фруктами и доставить их на нашу базу в порт Камрань.

Дело в том, что «Владимир Колечицкий» был не совсем обычным танкером, он строился в своё время как корабль комплексного снабжения (ККС) Военно-морского флота, предназначенный для доставки всех видов грузов, продовольствия и боеприпасов боевым кораблям, находящимся в автономных плаваниях в Мировом океане. На нём в трюме был оборудован даже хлебопекарный цех.

Корабль был вооружён 57-миллиметровыми автоматическими пушками в двух башнях, ПЗРК «Стрела», на его борту тогда был военный экипаж. Танкер имел шаровую окраску и нёс военно-морской флаг. В середине 70-х военный экипаж сменили на гражданский (а по сути, полувоенный), переклассифицировали в большой морской танкер (БМТ), перекрасили надстройки в белый цвет и сменили военно-морской флаг на флаг Вспомогательного флота ВМФ.

Пушки, от греха подальше, демонтировали, оставив лишь башни и законсервированные механизмы подачи снарядов из артпогребов.

До Коломбо оставалось пара дней хода, когда пришёл приказ штаба эскадры остановиться и лечь в дрейф. Дрейфовали сутки, пока не пришёл новый приказ: следовать в точку рандеву (координаты приводились) с танкером «Память Ленина»

Приморского пароходства (ПМП) и принять с него груз фруктов и овощей.

Весь идиотизм ситуации состоял в том, что танкера ПМП этого проекта предназначены только для перевозки горючего и не имеют оборудованных трюмов для продовольствия.

Сгниёт быстро, особенно в тропиках. Весь экипаж возбуждённо обсуждал это на юте. Но делать нечего-пошли в указанную точку. На подходе к указанному квадрату вышли на связь.

На позывные танкер не отвечал, на экране лоатора не появлялся.

— Ну, прямо Летучий Голландец какой-то! — выразился капитан. — В наше-то время в море потеряться — нонсенс! Доложите на эскадру!

С эскадры ответили, что «Память Ленина» сутки на связь не выходил, но, по данным спутниковой разведки, находится вблизи указанной точки.

Тут пришёл черед капитана ломать голову, что могло случиться с вполне современным пароходом. То ли все сразу заболели, то ли умерли? А может, вообще взорвались и не успели даже «SOS» подать?

«Колечицкий» начал поиск в указанном районе, и через полсуток

мы обнаружили неподвижную засветку на экране судового локатора. Дали полный ход и приготовились к худшему.

А что может быть хуже неподвижно лежащего в дрейфе судна, не подающего признаков жизни? Только обгоревшие обломки, плавающие в нефтяном пятне...

Вот уже в бинокль можно разглядеть характерный силуэт танкера, борт с многочисленными пятнами ржавчины, замазанными суриком, на верхней палубе громоздились кое-как накрытые брезентом ящики и мешки. По мере приближения (а погода была штилевая) в воздухе появился густой запах гниющих овощей. Ну прямо как у заброшенной овощебазы...

— А Голландец-то не летучий, а вонючий! — съязвил старпом.

— Погоди, Михалыч, клеймить! Может, там люди по каютам неживые лежат. Давай погудим — может, кто и выйдет, раз по радио не отзываются. Кстати, дайте радио на эскадру, что судно обнаружено и запросите приказ о дальнейших действиях.

«Колечицкий» дал сигнал судовым гудком. После третьего сигнала на верхнюю палубу выбралась некая согбенная фигура и помахала руками.

— Ну вот и живые появились!

— Швартуемся левым бортом, вывалить пневмокранцы, трап не оборудовать! Доктора на мостик!

— Андрей Юрьевич! — ласково обратился капитан к четвёртому помощнику. — Вы всегда у нас отличались склонностью к авантюризму и нестандартным поступкам. Берёте радиостанцию и вместе с доктором высаживаетесь десантом на борт танкера для прояснения ситуации. Доктор, как самый уравновешенный, будет старшим. Его задача — обследовать жилые помещения на предмет выявления возможных больных и осмотреть продовольствие на верхней палубе на предмет годности к употреблению. В твою задачу, Андрей, входит осмотреться на мостике, посмотреть последние записи в судовом журнале и поговорить со старпомом или капитаном — если они в состоянии говорить. Докладывать мне через каждые полчаса.

Доктора и Андрея грузовой лебедкой высадили на баке «Памяти Ленина» прямо возле пахучего груза. Вонь от гнилых овощей стояла невыносимая. Для приличия попинав несколько мешком с картошкой, «десантники» убедились в её полной гнили. Ящики с луком выглядели более достойно, но тоже пахивали изрядно. Кое-как держались только помидоры.

Доложив капитану о полной непригодности груза, направились дальше.

Первый увиденный на трапе оказался старпомом. Почерневший от злости, абсолютно трезвый, с судовым журналом в руках, он сам шёл навстречу.

Старпом пригласил Андрея в свою каюту, и там они начали разговор с капитаном «Колечицкого» по радио.

Доктор зашёл к коллеге, которого застал в состоянии глубокой депрессии и похмелья, однако тот изложил ситуацию вполне адекватно.

За почти полгода плавания у них был первый заход в порт Коломбо, где, по приказу с эскадры, погрузили закупленные овощи прямо на палубу и частично в грузовой трюм.

При этом все прекрасно понимали, что именно с грузом может произойти в горячем воздухе тропиков — при сорокаградусной жаре и на стальной раскалённой палубе.

Заодно «затарились» дешёвым спиртным в приличных количествах из расчёта на пару месяцев. Выйдя из Коломбо, дружно начали «квасить», и к моменту достижения точки дрейфа уже почти весь экипаж (включая капитана) вышел из строя. Человек пять во главе со старпомом ещё поддерживали некое подобие дисциплины и следили за механизмами. Полноценные вахты стоять было некому. Начальник радиостанции с радистом дружно храпели в радиорубке.

Ситуация была ясна, и доктор с Андреем вернулись тем же путём на «Колечицкий», изложив всё письменно (рапортом) и устно (с отрицательными эмоциями и нецензурными комментариями).

— Больных инфекционными заболеваниями в экипаже не обнаружено. Единственное, что им надо, — опохмелиться и на работу. Груз овощей и фруктов товарный вид потерял и к употреблению непригоден окончательно. Только списать — и за борт! В судовых документах всё в порядке, действительная ситуация в судовом журнале не отражена.

Ситуацию с испорченным грузом и состоянием судна шифровкой доложили на эскадру. «Колечицкий» отошёл от танкера и лёг в дрейф в ожидании радиограммы.

С эскадры через шесть (!) часов пришёл абсолютно непонятный и возмутительный приказ — перегрузить овощи на «Колечицкий», поместить в рефрижераторные трюмы, заморозить и доставить в Камрань.

Мы представили себе реакцию моряков боевых кораблей на подобный трюк и пришли в ужас. Уже не радовал и предстоящий заход в Коломбо. Теоретически в Камрани за такое нас просто обязаны были расстрелять главным калибром со всех кораблей сразу.

Но приказ есть приказ! С помощью «ожившего» экипажа танкера дурно пахнувшие ящики и мешки перегрузили в рефрижераторный трюм и элементарно заморозили при минус 20.

Всё это действие сопровождалось густой матерщиной с обеих сторон.

Старпом с «Памяти Ленина» злорадно улыбался:

— Теперь, ребята, это ваша большая проблема...

Через два дня мы пришли в Коломбо, где экипаж по очереди побывал в увольнении.

Но без коварной проделки четвертого помощника Андрюши и тут не обошлось.

Он, как бы случайно, рассказал вахтенному матросу, что цейлонская трава «Пол-пала» необычайно повышает мужскую силу. Старшее поколение моряков прекрасно знало о свойствах этой травы только как отличного средства для рассасывания почечных камней.

Но молодняк на эту уловку повёлся и вместе с пачками цейлонского чая целыми пакетами и охапками тащил с рынка в кубрики эту траву. Удивлённый боцман только пожимал плечами.

Дальнейший путь наш лежал через Андаманское море в Малаккский пролив и далее через Сингапур до Вьетнама.

Вот и бухта Бинь-Ба, «авианосный пирс» — и ускоренная разгрузка рефрижераторного трюма. Хорошо, что сразу после разгрузки мы быстро из Камрани убрались.

Столько матросских матов нашему экипажу ещё не приходилось слышать в свой адрес! Командование базы, разумеется, было заранее предупреждено о состоянии груза, поэтому к нам претензий не имело. До матросов, конечно, это не довели — не положено!

Но матросам с боевых кораблей пришлось это всё перегружать и перебирать в поисках чего-либо пригодного в пищу!

Кто это всё придумал, чья это была халатность или злой умысел — неясно до сих пор и за давностью лет забыто напрочь. Давно списаны и оба судна.

Но байка о «Вонючем голландце» старыми моряками с «Колечицкого» не забылась.